

Конвенция о правах ребенка

Distr.: General
21 June 2022
Russian
Original: English

Комитет по правам ребенка

Соображения, принятые Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений, относительно сообщения № 84/2019* **

<i>Сообщение представлено:</i>	Н.Б. (представлен адвокатом Анной Арганашвили и Аной Тавхелидзе, Партнерство за права человека)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор
<i>Государство-участник:</i>	Грузия
<i>Дата сообщения:</i>	19 ноября 2018 года
<i>Дата принятия Соображений:</i>	1 июня 2022 года
<i>Тема сообщения:</i>	защита ребенка от физического или психического насилия, телесных повреждений или жестокого обращения; дискриминация
<i>Процедурные вопросы:</i>	неисчерпание внутренних средств правовой защиты; недостаточная обоснованность утверждений
<i>Статьи Конвенции:</i>	2, 12 и 19
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	7 (пункты d) и f))

* Приняты Комитетом на его девятнадцатой сессии (3 мая – 3 июня 2022 года).

** В рассмотрении сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Сюзанна Ао, Айссагу Аласане Мулайе Сидику, Хинд Аюби Идрисси, Ринчен Чопхел, Браги Гудбрандссон, Филип Жаффе, Гехад Мади, Фейт Маршалл-Харрис, Бэньям Дэвыт Мэзмур, Кларенс Нелсон, Луис Эрнесто Педернера Рейна, Хосе Анхель Родригес Рейес, Энн Скелтон, Велина Тодорова, Бенуа ван Кирсбилк и Рату Зара.

В соответствии с правилом 8 (п. 1 а)) правил процедуры Комитета согласно Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся процедуры сообщений, в рассмотрении сообщения не принимала участия Сопио Киладзе.

1. Автор сообщения является Н.Б., гражданин Грузии, родившийся 21 июля 2013 года. Автор утверждает, что государство-участник нарушило его права, предусмотренные статьями 2, 12 и 19 Конвенции. Автор представлен адвокатом. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 19 декабря 2016 года.

Факты в изложении автора

2.1 Автор подвергся телесному наказанию в государственном детском саду со стороны воспитательницы 24 января 2017 года. Его мать привела его в детский сад утром без каких-либо признаков телесных повреждений, но когда вечером она забирала его домой, то заметила, что у него красные пятна и царапины на лице, припухлость и синяки на обоих ушах. В отличие от других дней, ребенка сопровождала его воспитательница, которая спросила мать, нет ли у него какой-либо аллергии или он стал жертвой домашнего насилия со стороны отца¹, что могло вызвать покраснения. Мать автора ответила, что у него нет никакой аллергии и не было недавних контактов с отцом. Затем она спросила сына, что случилось с его лицом, и ребенок, украдкой указав на воспитательницу, сказал, что она ударила его по лицу и дернула за оба уха. Воспитательница рассмеялась и сказала, что не делала этого.

2.2 Когда мать с сыном вернулись домой, она снова спросила его, что случилось. Он ответил, что воспитательница ударила его по левой щеке, дернула за уши и сдавила их, потому что он не смог правильно нарисовать дом — это задание было дано в детском саду в тот день. Его мать позвонила в полицию и сообщила об инциденте. Полиция прибыла к ним домой и доставила автора и его мать в полицейский участок для допроса и сбора доказательств, после чего было начато уголовное расследование. Полиция также вызвала службу скорой медицинской помощи, чтобы доставить ребенка в детскую больницу им. Иашвили для медицинского освидетельствования.

2.3 25 января 2017 года мать сообщила средствам массовой информации об инциденте, и о нем сообщили три канала СМИ. Руководство детского сада и агентство социального обслуживания узнали о случившемся из сообщений средств массовой информации; они не были проинформированы воспитательницей или администрацией детского сада, как того требует закон².

2.4 25 января 2017 года социальный работник посетил автора и его мать. Автор отмечает, что визит длился всего минут 15 и носил поверхностный характер. Автор также отмечает, что это был единственный визит социальных служб без каких-либо последующих действий. В мае и июне 2018 года мать автора запрашивала у агентства социального обслуживания результаты проведенной им оценки инцидента и информацию о принятых мерах. Единственным отчетом, предоставленным агентством социального обслуживания, стал полустраничный документ, составленный 6 июня 2018 года, в котором просто содержалось описание инцидента³. В отсутствие какой-либо оценки инцидента или результатов бесед с автором и воспитательницей, мать обратилась с жалобой к инспектору по защите персональных данных, заявив о нарушении доступа автора к личной информации. Решением от 8 октября 2018 года инспектор постановил, что агентство социального обслуживания нарушило право автора на доступ к личной информации.

2.5 6 марта 2017 года решением директора детского сада воспитательница была уволена. Официальной причиной увольнения было «грубое нарушение служебных обязанностей», без какой-либо ссылки на инцидент с автором. Воспитательница оспорила свое увольнение. 25 сентября 2017 года Тбилисский городской суд постановил восстановить ее в должности в отсутствие разумных оснований для увольнения, поскольку ни в решении директора об увольнении, ни в ходе

¹ В то время мать и отец ребенка жили отдельно.

² Статья 20 постановления правительства № 437 о процедурах адресной защиты детей, 12 сентября 2016 года.

³ В отчете упоминается, что социальный работник дважды посещал дом автора и беседовал с его матерью. В нем также говорится, что автор «позитивно относится к воспитательнице и даже не помнит, что подвергался физическому насилию».

разбирательства в городском суде причина не была указана и обоснована. Поскольку суд не был информирован об основаниях для увольнения, автор не был приглашен в качестве третьей стороны на судебное разбирательство. Решение суда детский сад не обжаловал. В неустановленный день воспитательница была восстановлена в должности в детском саду, и ей была выплачена денежная компенсация за потерянную зарплату.

2.6 В период с апреля по август 2018 года, пока шло расследование, адвокат автора пять раз обращалась в полицию и к прокурору с просьбой принять правовые меры. 8 июня 2018 года адвокат обратилась в прокуратуру тбилисского округа Глдани-Надзаладеви с просьбой предоставить автору статус пострадавшего. 11 июня 2018 года прокурор отклонил эту просьбу за отсутствием достаточных оснований для обвинения в том, что ребенок получил травмы именно в результате предполагаемых противоправных действий в отношении него⁴. Адвокат оспорила этот довод главному прокурору округа Глдани-Надзаладеви, настаивая на том, что при наличии явных признаков травмы уголовное расследование должно было выяснить, была ли эта травма нанесена в то время, когда ребенок находился под присмотром персонала детского сада. Однако 21 июня 2018 года главный прокурор отклонил апелляцию⁵.

2.7 15 июня 2018 года мать обратилась в детский сад за дополнительными разъяснениями относительно момента, когда впервые были обнаружены травмы. В своем письме от 11 июля 2018 года администрация детского сада не дала конкретного ответа, хотя и признала, что по крайней мере два сотрудника заметили травмы на лице ребенка — без подтверждения того, что они были нанесены воспитательницей автора, — но не уведомили об этом администрацию⁶. Кроме того, администрация не сообщила местным властям об отсутствии уведомления со стороны своих сотрудников, что могло повлечь за собой административные санкции⁷.

2.8 15 июня 2018 года мать автора обратилась также в агентство по управлению детскими садами города Тбилиси с запросом о действиях, предпринятых для расследования инцидента. В своем ответе от 11 июля 2018 года агентство подтвердило, что оно побеседовало с персоналом детского сада, включая воспитательницу автора, и встретилось с родителями других детей в детском саду, но никто из них не подтвердил какого-либо акта физического насилия в отношении автора. Однако бабушка ребенка-аутиста из той же группы, что и автор, утверждала, что она часто была свидетелем того, как воспитательница кричала на детей, и заявила, что ее внук тоже приходил домой с синяками на ушах. Однако агентство сообщило, что не опросило ни автора, ни детей, которые были свидетелями инцидента. В отсутствие исчерпывающей информации об инциденте мать обратилась к инспектору по защите персональных данных с жалобой на лишение ребенка доступа к личной информации. Решением от 10 октября 2018 года инспектор объявил, что агентство по управлению детскими садами нарушило право автора на доступ к личной информации.

2.9 26 июня 2018 года Центр прикладной психологии и исследований, специализирующийся на изучении случаев насилия в отношении детей, выпустил отчет о психологической экспертизе, в котором отметил, что автор смог описать инцидент физического насилия со стороны воспитательницы и что его психо-эмоциональное состояние было нормальным.

2.10 22 августа 2018 года адвокату автора было разрешено ознакомиться с материалами дела в канцелярии министерства внутренних дел, что выявило

⁴ Хотя по результатам судебно-медицинской экспертизы был сделан вывод о том, что травмы были нанесены в результате удара тупым предметом по лицу ребенка, обвинение не сообщило об этом адвокату автора, которая смогла ознакомиться с результатами только 22 августа 2018 года.

⁵ Решения главного прокурора являются окончательными и не могут быть обжалованы, за исключением дел, связанных с фелониями (тяжкими преступлениями).

⁶ Администрация также упоминает, что воспитательница автора была уволена с работы за то, что не сообщила администрации о красных отметинах на лице автора.

⁷ См. статью 172 Кодекса Грузии об административных правонарушениях.

многочисленные недостатки в процессе расследования. Изучение материалов дела показало, что, несмотря на заявления других родителей о телесных наказаниях, применяемых к их детям той же воспитательницей, не было никакой информации о том, были ли опрошены эти родители или кто-либо из детей, которые могли быть свидетелями инцидента. Автор также отмечает, что правоохранительные органы не возбудили никакого административного производства для расследования того факта, что сотрудники детского сада не сообщили об инциденте и не уведомили агентство социального обслуживания о начале уголовного расследования.

Жалоба

3.1 Автор заявляет о нарушении статей 2, 12 и 19 Конвенции. Относительно исчерпания внутренних средств правовой защиты он поясняет, что, согласно Уголовно-процессуальному кодексу, его дело может быть передано в суд только прокурором. Предполагаемый пострадавший не может влиять на ход расследования и/или разбирательства. По его делу прокурор не продвинулся в расследовании и не передал его в суд. Таким образом, у автора не было никакой правовой возможности пожаловаться на затягивание прокурором уголовного расследования на 22 месяца.

3.2 Автор заявляет о нарушении его прав по статье 19 Конвенции. Он утверждает, что государство-участник не приняло соответствующих законодательных мер по запрещению всех форм насилия в отношении детей, включая телесные наказания, как это было рекомендовано Комитетом после рассмотрения четвертого периодического доклада государства-участника⁸. Он указывает на отсутствие прямого запрета телесных наказаний в официальных учреждениях по уходу за детьми младшего возраста или в официальных учреждениях дневного ухода за детьми старшего возраста. Он утверждает, что в образовательных и дошкольных учреждениях Грузии имеет место высокий уровень физического и эмоционального насилия в отношении детей. Он отмечает, что случаи физиологического насилия были выявлены Народным защитником в 70 % из 61 проверенного дошкольного учреждения, а в 40 % проверок было выявлено применение телесных наказаний. Он также отмечает, что дети в государстве-участнике страдают от социальных установок, допускающих насилие как форму дисциплинирования детей. Он утверждает, что в его конкретном случае власти государства-участника не обеспечили привлечения к ответственности и не предоставили ему эффективных мер защиты. Детский сад не смог выявить, сообщить и направить инцидент в соответствующие органы. Полиция и органы прокуратуры не смогли эффективно расследовать инцидент в разумные сроки и не провели ряд следственных действий. Кроме того, агентство социального обслуживания не смогло должным образом отреагировать на инцидент и расследовать его.

3.3 Автор заявляет о нарушении его прав по статье 2 Конвенции, поскольку на момент подачи настоящего сообщения государство-участник не ввело уголовную ответственность за телесные наказания, что является дискриминационным подходом к детям по признаку их возраста. Он заявляет, что статья 126 Уголовного кодекса определяет избиение как преступление, но ее формулировка и применение не рассматривают телесное наказание детей как преступление и, следовательно, не предусматривают санкций. Статья 126 относится к главе о преступлениях против здоровья, тогда как международное право в вопросах запрещения телесных наказаний детей в первую очередь делает акцент на нарушение достоинства детей и обеспечивает их физическую и моральную неприкосновенность. Поэтому объектом защиты являются не только здоровье, но и достоинство и моральная неприкосновенность ребенка, которые необязательно связаны с нанесением ущерба здоровью.

3.4 Автор далее отмечает требование наличия намерения причинить боль для того, чтобы деяние квалифицировалось как избиение. Поэтому, когда телесные наказания детей применяются в качестве метода воспитания и используются для поддержания дисциплины, статью 126 в отношении телесных наказаний детей нереально

⁸ CRC/C/GEO/CO/4, пп. 21–22; государство-участник представило информацию о законодательных нововведениях (см. п. 4.13 ниже).

применить. Более того, эта статья определяет избиение как «нанесение нескольких ударов», а это означает, что один удар не считается избиением.

3.5 Наконец, автор заявляет о нарушении его прав по статье 12 Конвенции, поскольку ему не была предоставлена возможность участвовать в расследовании инцидента. Он отмечает, что руководство детского сада к расследованию инцидента не привлекло ни его, ни его мать. Он также заявляет, что агентство социального обслуживания не включило ни его мнение, ни мнение его матери в официальную документацию, которую оно подготовило, и что суд первой инстанции не привлек его или его мать к устным слушаниям.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 В своих замечаниях от 15 ноября 2019 года государство-участник излагает факты по делу следующим образом: в день события, 24 января 2017 года, полиция начала расследование по жалобе матери автора. 25 января 2017 года мать, заместитель директора детского сада и обвиняемая воспитательница⁹ были допрошены властями. В тот же день следователь, специализирующийся на ювенальной юстиции, провел беседу с ребенком в присутствии его отца и психолога. Ребенок заявил, что воспитательница, ударив его, травмировала ему щеки и уши. Власти также назначили судебно-медицинскую экспертизу. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы от 27 января 2017 года¹⁰, у автора были фиолетовые гематомы на мочках левого и правого уха. Такие же гематомы были обнаружены на его правой щеке и левой нижней челюсти. Согласно заключению, ушибы были получены в результате воздействия плотного тупого предмета и расценены как легкие телесные повреждения, не причинившие вреда здоровью¹¹.

4.2 В период с 26 по 28 января 2017 года власти допросили четырех сотрудников детского сада, которые отрицали, что были свидетелями инцидента или знали о каких-либо других жалобах родителей на обвиняемого воспитателя. 3 марта 2017 года власти приняли показания бабушки другого ребенка, которая заявила, что воспитательница была агрессивным человеком, часто применявшим телесные наказания к ее внуку, и что другие родители высказывали аналогичные обвинения. 28 марта 2017 года агентство по управлению детскими садами Тбилиси сообщило следственным органам об увольнении воспитательницы за невыполнение профессиональных обязанностей, включая обеспечение благополучия и безопасности ребенка. Согласно отчету о внутреннем расследовании, проведенном агентством, две сотрудницы детского сада написали письмо заместителю директора, в котором жаловались, что им невыносимо работать рядом с этой воспитательницей и что если ей разрешат вернуться, они будут вынуждены уволиться. Однако 2 мая 2018 года, когда эти две сотрудницы были допрошены властями, они заявили, что у них нет никаких претензий к воспитательнице, которая якобы является достойным человеком. Одна из сотрудниц заявила, что, поскольку она виделась с воспитательницей на протяжении всего дня 24 января 2017 года, то заметила бы любые признаки физического насилия в отношении ребенка¹².

4.3 В период с 29 апреля по 19 июня 2018 года власти пообщались с тремя лицами, дети которых посещали тот же детский сад и могли знать об инциденте; эти лица отказались давать показания. Однако в ноябре 2019 года двое из этих трех человек заявили, что у них нет никаких жалоб или сведений о злоупотреблениях в отношении

⁹ Воспитательница заявила, что ее коллега по работе сказала ей, что у автора на щеке покраснение и она думает, что у ребенка аллергия.

¹⁰ Выдано Национальным бюро судебно-медицинской экспертизы им. Левана Самхараули.

¹¹ В английском переводе настоящего доклада, представленном государством-участником, содержится также следующее предложение: «According to the examiner, the kindergarten teacher, T., inflicted injuries» («Согласно заключению эксперта, воспитательница детского сада Т. нанесла телесные повреждения»).

¹² Сотрудники объяснили, что их нежелание продолжать работать с обвиняемой воспитательницей было вызвано излишним вниманием средств массовой информации.

обвиняемой воспитательницы. Расследование событий 24 января 2017 года все еще находится на рассмотрении прокурора.

4.4 Относительно приемлемости сообщения государство-участник считает, что оно должно быть признано неприемлемым в связи с незавершенностью как гражданского, так и уголовного производства.

4.5 Государство-участник утверждает, что автор не исчерпал средства гражданско-правовой защиты, доступные в соответствии со статьями 207–209 Общего административного кодекса Грузии в совокупности со статьей 1005 Гражданского кодекса, что позволило бы ему подать гражданский иск против государственного органа о возмещении ущерба. С целью продемонстрировать эффективность этого средства правовой защиты государство-участник ссылается на внутреннюю судебную практику и прецедентное право Европейского суда по правам человека¹³. Государство-участник утверждает, что автор не подал иск против детского сада и не потребовал возмещения ущерба, с одной стороны, и против следственных органов — с другой, чтобы пожаловаться на длительность уголовного расследования.

4.6 Государство-участник считает, что автору следовало дожидаться завершения ведущегося уголовного расследования, поскольку власти провели эффективные и оперативные следственные действия. Тот факт, что против воспитательницы, которую обвинили только автор и его мать, не было выдвинуто никаких обвинений, нельзя рассматривать как произвольное решение, бездействие или отсутствие должных усилий со стороны властей. Государство-участник оспаривает наличие существенных задержек в расследовании, учитывая сложный¹⁴ и чувствительный для ребенка характер дела, в котором фигурирует трехлетний ребенок. Оно напоминает, что на следующий день после инцидента автор был опрошен следователем, специализирующимся на ювенальной юстиции, в присутствии его отца и психолога; что его адвокату было разрешено ознакомиться с материалами дела; и что власти связались со всеми родителями, упомянутыми автором, чтобы опросить их, и что, несмотря на их нежелание сотрудничать, двое из них были опрошены. Таким образом, автор не указал ни одного серьезного недостатка в расследовании, который бы подорвал его общую эффективность.

4.7 Относительно утверждения автора о том, что ему следовало предоставить статус потерпевшего, государство-участник поясняет, что, согласно статье 3 (22) Уголовно-процессуального кодекса, «потерпевший» определяется как «физическое или юридическое лицо, которому причинен моральный, физический или материальный ущерб непосредственно в результате преступления». Наличие противоречивой информации, полученной из различных источников в ходе расследования, а также отсутствие каких-либо прямых доказательств, подтверждающих, что обвиняемая воспитательница или какое-либо другое лицо могли совершить преступление против автора, явно не вписываются в правовую норму присвоения ему статуса потерпевшего.

4.8 Государство-участник сообщает, что 14 декабря 2018 года Конституционный суд Грузии вынес решение, на основании которого лицам разрешено обжаловать в национальных судах отказ органов прокуратуры в предоставлении статуса потерпевшего независимо от категории рассматриваемого преступления. Поэтому с даты вынесения этого решения автор мог подать апелляцию в национальные суды на отказ прокурора предоставить ему статус потерпевшего. Однако он не воспользовался этим средством защиты.

4.9 Относительно утверждения автора о дискриминационном обращении по признаку возраста в связи с тем, что телесные наказания детей не признаны уголовным

¹³ См. European Court of Human Rights, *Shavishvili v. Georgia*, Application No. 21519/05, Judgment, 9 November 2010; и *Saghinadze and others v. Georgia*, Application No. 18768/05, Judgment, 27 May 2010, paras. 95–96.

¹⁴ Отсутствие очевидцев или каких-либо прямых доказательств и противоречивые заявления свидетелей. Государство-участник отмечает также, что отсутствие камер наблюдения в помещении затрудняет выяснение произошедшего.

преступлением, государство-участник утверждает, что автор не исчерпал имеющиеся средства правовой защиты, поскольку в соответствии с Законом Грузии о ликвидации всех форм дискриминации при Управлении Народного защитника был создан независимый надзорный механизм. Согласно статье 10 этого закона, предполагаемый пострадавший имеет право возбудить судебное разбирательство в соответствии с положениями Гражданского процессуального кодекса. Кроме того, автор может ходатайствовать о возмещении морального и/или материального ущерба в судебном порядке. Вследствие этого жалоба автора является неприемлемой также по причине неисчерпания.

4.10 По существу дела государство-участник утверждает, что оно выполнило свои обязательства, вытекающие из статей 2, 12 и 19 Конвенции.

4.11 Относительно права ребенка быть заслушанным государство-участник считает, что автор участвовал в расследовании на уровне, достаточном для выполнения требований статьи 12 Конвенции.

4.12 Государство-участник отмечает, что статья 126 (пункт 1)¹⁵ Уголовного кодекса предусматривает уголовную ответственность за избиение или любое другое насилие, сознательно совершенное в отношении несовершеннолетнего, и применяется ко всем случаям, когда несовершеннолетний подвергается физическому или психическому насилию. Статистические данные о применении статьи 126 в случаях психологического или физического насилия в отношении несовершеннолетнего свидетельствуют о возбуждении уголовного преследования: в 2017 году — в 20 случаях; в 2018 году — в 85 случаях, в том числе 2 — за физическое насилие в детском саду; и за 10 месяцев 2019 года — в 93 случаях, в том числе 1 случай физического насилия в детском саду. Поэтому утверждение автора о дискриминационном характере статьи 126 является необоснованным.

4.13 Наконец, государство-участник упоминает о мерах, принятых им для борьбы с насилием в отношении детей и обеспечения эффективной защиты прав ребенка, включая национальные стратегии и планы действий, учебные программы и информационно-просветительские кампании. В частности, Кодекс о правах ребенка, принятый 20 сентября 2019 года, постепенно вступит в силу к январю 2022 года. Цель Кодекса — создать общую правовую основу для реализации прав, предусмотренных Конвенцией, включая защиту от всех форм насилия и доступ к правосудию. Кроме того, домашние социальные работники проходят обучение по вопросам насилия в семье, насилия в отношении детей и соблюдения процедур адресной защиты детей. В школах регулярно проводятся учебные программы по вопросам, связанным с насилием в отношении детей. Тема насилия в семье включена и в учебные программы Высшей школы юстиции Грузии, а также в программы подготовки судей, полицейских, следователей и прокуроров.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

5.1 В своих комментариях от 5 апреля 2020 года автор утверждал, что гражданско-правовые средства защиты не только вряд ли обеспечат эффективную помощь, но и могут быть неоправданно затянутыми. Поскольку факт телесного наказания не был установлен, оснований для гражданского иска не было. Детский сад, агентство по управлению детскими садами Тбилиси и полиция отказались признать незаконными действия в отношении автора. Кроме того, автору также грозило повторное телесное наказание, поскольку обвиняемая воспитательница была восстановлена в детском саду.

5.2 Относительно утверждения государства-участника о том, что он не дождался окончания незавершенного уголовного расследования, автор отмечает, что даже несмотря на то, что расследование было начато 24 января 2017 года, показания сотрудников были взяты только в феврале 2018 года, а показания других родителей — в апреле 2019 года. Эти действия были настолько запоздалыми, что их нельзя считать

¹⁵ Статья 126 Уголовного кодекса касается насилия.

эффективными. За более чем три года, прошедшие с момента инцидента, расследование не принесло никаких ощутимых результатов. Воспитательница была восстановлена в должности судом, а детский сад не был призван к ответственности. Поскольку автору не был присвоен статус пострадавшего, у него нет возможности требовать возмещения ущерба. Поэтому средства правовой защиты, предлагаемые государствами-участниками в рамках уголовного права, нереалистичны и непредсказуемы.

5.3 Автор считает, что жалоба в Управление Народного защитника в соответствии с законом о ликвидации всех форм дискриминации не является эффективным средством защиты, поскольку его решения носят рекомендательный характер. Согласно специальному докладу Народного защитника о борьбе с дискриминацией, ее профилактике и ситуации с равенством за 2017 год, из 19 рекомендаций и общих предложений, адресованных государственным учреждениям с момента создания Департамента по вопросам равенства до конца августа 2017 года, государственные учреждения выполнили только четыре¹⁶, и даже в докладе за 2019 год отмечается низкий уровень их выполнения¹⁷.

5.4 Относительно заявления государства-участника о том, что 22 месяца — это надлежащий срок для проведения расследования, автор отмечает, что, поскольку он находился под угрозой повторного насилия, власти должны были действовать более активно. Власти так и не представили никаких объяснений задержек в расследовании, в частности они не смогли обосновать, почему они связались со свидетелями только через 15 месяцев после инцидента, и не информировали автора и его мать о различных этапах расследования. Более того, согласно статье 71 (пункт 1) Уголовного кодекса, лицо освобождается от уголовной ответственности по прошествии двух лет после совершения преступления, за которое максимальное наказание не превышает двух лет лишения свободы, что и произошло в данном случае.

5.5 Относительно заслушивания автора на следующий день после инцидента, то он напоминает, что к мнению ребенка следует относиться серьезно¹⁸. Даже несмотря на то, что автор представил подробный отчет об инциденте, который был подкреплен материальными доказательствами — повреждениями на лице и ушах, — власти не восприняли его показания всерьез.

5.6 Относительно утверждения государства-участника о том, что после вынесения Конституционным судом решения от 14 декабря 2018 года автор мог подать жалобу на отказ прокурора предоставить статус пострадавшего, автор напоминает, что он представил свое сообщение в Комитет в ноябре 2018 года, а это означает, что у него не было возможности использовать этот механизм.

5.7 Наконец, несмотря на имеющиеся очевидные доказательства того, что автору были нанесены травмы, когда он находился на попечении детского сада, государство-участник не предложило никакого разумного объяснения получения этих травм. Государство-участник не предотвратило, не расследовало и не защитило автора от насилия в виде телесных наказаний. Автор не добился никакого возмещения или реабилитации.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в том или ином сообщении, Комитет должен, в соответствии с правилом 20 своих правил процедуры, решить, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

¹⁶ См. URL: <https://ombudsman.ge/res/docs/2019040212241164882.pdf>.

¹⁷ См. URL: <https://ombudsman.ge/res/docs/2020031712325453928.pdf>.

¹⁸ Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 13 (2011), п. 3 е).

6.2 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что сообщение является неприемлемым по причине исчерпания внутренних средств правовой защиты, поскольку а) автор не возбудил гражданское судопроизводство о возмещении ущерба как против детского сада, так и против следственных органов, чтобы подать иск по поводу длительности уголовного расследования; б) автор не дождался завершения ведущегося уголовного расследования; в) после вынесения Конституционным судом 14 декабря 2018 года своего решения автор не оспорил в суде отказ главного прокурора предоставить ему статус пострадавшего; и д) автор не подал жалобу на дискриминационное обращение по признаку возраста в надзорный механизм в рамках Управления Народного защитника и не воспользовался возможностью, предоставляемой статьей 10 Закона о ликвидации всех форм дискриминации, для подачи своего иска в суд.

6.3 Относительно заявления государства-участника о неисчерпании, основанного на том, что автор не возбудил гражданское судопроизводство о возмещении ущерба, Комитет принимает к сведению аргумент автора о том, что в отсутствие признания акта телесного наказания гражданский иск является необоснованным. Комитет далее считает, что гражданское судопроизводство, направленное на получение компенсации за ущерб, не заменяет обязательства государственных органов эффективно расследовать и предъявлять обвинения предполагаемым виновным в совершении предполагаемых преступлений¹⁹.

6.4 Относительно аргумента государства-участника о неисчерпании, основанного на продолжающемся уголовном расследовании, Комитет принимает к сведению аргумент автора о том, что в расследовании имели место значительные задержки, которые сделали его неэффективным. Комитет считает, что это утверждение касается эффективности уголовного расследования, которое тесно связано с существом жалоб автора по статье 19 Конвенции, и поэтому решает рассмотреть это утверждение по существу.

6.5 Относительно аргумента государства-участника о том, что автор не оспорил решение прокурора об отказе ему в статусе пострадавшего, Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что он представил свое сообщение в Комитет до вынесения решения Конституционного суда от 14 декабря 2018 года, и поэтому у него не было возможности использовать этот механизм.

6.6 Наконец, относительно возможности подачи жалобы на дискриминационное обращение по признаку возраста в надзорный механизм при Управлении Народного защитника, Комитет отмечает, что по утверждению автора Управление Народного защитника не является эффективным средством правовой защиты, поскольку его решения носят рекомендательный характер и страдают низким уровнем исполнения. Комитет считает, что для выполнения требований статьи 7 (пункт е) Факультативного протокола, как правило, нет необходимости исчерпывать возможности внесудебных органов, которые не могут обеспечить возмещение ущерба²⁰.

6.7 Однако Комитет отмечает, что автор не оспорил аргумент государства-участника о том, что статья 10 Закона о ликвидации всех форм дискриминации предоставляет возможность подать жалобу на дискриминацию в суд. Поэтому Комитет считает, что автор не исчерпал все доступные внутренние средства правовой защиты в отношении его жалобы согласно статье 2 Конвенции, и объявляет эту часть сообщения неприемлемой в соответствии со статьей 7 (пункт е) Факультативного протокола.

6.8 Наконец, Комитет принимает к сведению жалобы автора по статье 12 Конвенции на то, что руководство детского сада не опросило ни его, ни его мать, что агентство социального обслуживания не включило его мнение и мнение его матери в официальную документацию и что суд, вынесший решение об увольнении

¹⁹ См., например, Human Rights Committee, *Maharjan v. Nepal* (CCPR/C/105/D/1863/2009), para. 7.6; и *Benaziza v. Algeria* (CCPR/C/99/D/1588/2007), para. 8.3.

²⁰ См., в этом смысле, Human Rights Committee, *Katwal v. Nepal* (CCPR/C/113/D/2000/2010), para. 6.3; и *Giri v. Nepal* (CCPR/C/101/D/1761/2008 и CCPR/C/101/D/1761/2008/Corr.1), para. 6.3.

воспитательницы, не заслушал ни автора, ни его мать. Однако Комитет отмечает, что автор был заслушан в контексте уголовного расследования и что он был опрошен представителем Центра прикладной психологии и исследований. Соответственно, Комитет считает, что автор не смог в достаточной степени обосновать свою жалобу по статье 12 Конвенции, и заявляет, что она является неприемлемой согласно статье 7 (пункт f) Факультативного протокола.

6.9 Комитет, однако, отмечает, что автор исчерпал внутренние средства правовой защиты в отношении своих жалоб, касающихся телесного наказания, которому он подвергся, из-за упущений в уголовном расследовании, последовавшим за этим событием. Он считает, что эти жалобы являются достаточно обоснованными для целей приемлемости и что они поднимают вопросы по статье 19 Конвенции. Соответственно, Комитет объявляет их приемлемыми и приступает к их рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 В соответствии со статьей 10 (пункт 1) Факультативного протокола Комитет рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, предоставленной ему сторонами.

7.2 Комитет напоминает о своем замечании общего порядка № 8, в котором он пояснил, что формулировка статьи 19 Конвенции основывается на статье 4 и четко указывает на необходимость принятия законодательных, а также других мер для выполнения обязательства государств защищать детей от всех форм насилия, включая телесные наказания²¹. Он также напоминает, что в ходе рассмотрения четвертого периодического доклада государства-участника он выразил серьезную обеспокоенность широкими масштабами применения телесных наказаний в школах и других учреждениях; отсутствием законодательства, криминализирующего применение телесных наказаний, и информационно-просветительских мероприятий в целях борьбы с этой практикой; и ограниченными масштабами применения механизма адресной защиты детей, в том что касается детских садов²².

7.3 В данном деле Комитет должен определить, являются ли предполагаемое телесное наказание, которому автор подвергся 24 января 2017 года от рук своей воспитательницы, и предполагаемое отсутствие эффективного расследования такого обращения нарушением государством-участником своих обязательств по статье 19 Конвенции. В этой связи Комитет отмечает, что статья 19 сформулирована как в материальном, так и в процедурном плане.

7.4 Относительно материального элемента статьи 19 (пункт 1) Комитет отмечает, что автор поступил в детский сад утром 24 января 2017 года без каких-либо признаков травмы на лице. Однако, когда его мать пришла забирать его домой в тот день, у него были фиолетовые синяки на мочках левого и правого уха, на правой щеке и левой нижней челюсти. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы и рассказу самого автора, травмы были получены в результате того, что его ударила и таскала за уши воспитательница в детском саду. Комитет напоминает о том, что он определяет «телесное» или «физическое» наказание как любое наказание, при котором применяется физическая сила и которое призвано причинить определенную боль или дискомфорт, какими бы легкими они ни были. В большинстве случаев это предполагает нанесение детям ударов («порка», «шлепание», «трепка») рукой или каким-либо предметом (кнутом, палкой, ремнем, туфлей или деревянной ложкой)²³. Комитет далее напоминает, что бремя доказывания не может возлагаться только на автора сообщения, особенно учитывая то, что автор и государство-участник не всегда имеют равные возможности для получения доказательств, а нередко соответствующей информацией располагает лишь государство-участник²⁴.

²¹ Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 8 (2006) (в частности, статьи 19; 28, п. 2; и 37), п. 30.

²² CRC/C/GEO/CO/4, п. 21.

²³ Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 8 (2006), п. 11.

²⁴ См., в частности, D.D. v. Spain (CRC/C/80/D/4/2016), п. 13.3.

7.5 В данном случае Комитет отмечает, что автор был взят под опеку государственного детского сада без каких-либо ранее существовавших травм на лице. Не было представлено никакого правдоподобного объяснения травм его ушей и лица, предположительно вызванных наказанием воспитателем государственного детского сада на территории детского сада и в то время, когда автор находился под опекой государственного учреждения. Комитет считает, что описание автором обращения, которому он предположительно подвергся со стороны персонала детского сада, является подробным и последовательным. Оно частично подтверждается свидетельским показанием бабушки другого ребенка, которая подтвердила, что воспитательница часто применяла телесные наказания к ее внуку. Заявление воспитательницы автора о том, что ребенок мог страдать от аллергии, не подкреплены никакими доказательствами. В заключении судебно-медицинской экспертизы от 27 января 2017 года указано, что травмы были нанесены тупым предметом, без упоминания о том, что они могли быть следствием аллергии. На основе всех представленных ему материалов и в свете того, что власти государства-участника не смогли представить альтернативное объяснение, Комитет считает, что обращение, которому подвергся автор, было формой насилия в отношении ребенка, как это определено в статье 19 Конвенции. Учитывая особую уязвимость автора как ребенка в возрасте трех с половиной лет, статус воспитательницы, обладающей властью и контролем над автором, а также роль детского сада в обеспечении базовой государственной услуги, представляющей общий интерес и заключающейся в заботе о детях и их образовании, Комитет считает, что государство-участник не приняло во внимание травмы, полученные автором, когда он находился под опекой государственного детского сада, и что поэтому ответственность государства-участника за его травмы наступает в соответствии со статьей 19 (пункт 1) Конвенции²⁵.

7.6 Относительно процедурного элемента, содержащегося в статье 19 (пункт 2) Конвенции, Комитет принимает к сведению аргумент автора, касающийся предполагаемого отсутствия эффективного уголовного расследования по заявлению автора о телесных наказаниях. Комитет напоминает о том, что расследование случаев применения насилия, о которых сообщают ребенок, какой-либо представитель или третья сторона, должно проводиться квалифицированными специалистами, прошедшими специализированную и всестороннюю подготовку, и требует применения подхода, опирающегося на учет прав и особенностей ребенка. Серьезное, но учитывающее особенности детей разбирательство помогает обеспечивать надлежащее выявление случаев применения насилия и находить доказательства для проведения административного, гражданского, обеспечивающего защиту детей и уголовного производства. Комитет отмечает, что расследование данного случая жестокого обращения с ребенком должно быть эффективным в том смысле, что оно должно привести к установлению того, подвергался ли автор телесным наказаниям в детском саду, и к выявлению виновных. Комитет напоминает о том, что это обязательство касается не результата, а средств. Власти должны предпринять доступные им разумные меры для обеспечения доказательств, касающихся инцидента. Кроме того, расследование должно проводиться оперативно и в разумные сроки²⁶.

7.7 Комитет отмечает, что в данном деле, хотя автор был опрошен специализированным следователем в присутствии своего отца и психолога, государство-участник не указывает, велась ли видеозапись этого опроса с целью сохранения показаний ребенка для их возможного использования в последующих судебных разбирательствах и был ли ребенок проинструктирован о важности говорить правду²⁷. Комитет далее отмечает, что, хотя полиция без промедления начала уголовное расследование, следственным органам потребовалось почти 10 месяцев, чтобы заслушать двух сотрудников, которые жаловались на обвиняемую воспитательницу, и 15 месяцев, чтобы связаться с родителями, чьи дети находились

²⁵ См. в этой связи Европейский суд по правам человека, *В.К. против России*, жалоба № 68059/13, решение, 7 марта 2017 года, пп. 168–184.

²⁶ Там же, п. 185.

²⁷ Европейский суд по правам человека, *Р.Б. против Эстонии*, жалоба № 22597/16, решение, 22 июня 2021, пп. 91–92.

под наблюдением той же воспитательницы. Государство-участник не объяснило эти задержки. Комитет отмечает, что только 22 августа 2018 года, т. е. спустя 19 месяцев после инцидента, адвокату автора было разрешено ознакомиться с материалами дела. Наконец, Комитет отмечает, что по прошествии более пяти лет после инцидента расследование все еще продолжается без какого-либо значимого продвижения. Независимо от возможного окончательного итога расследования и без рассмотрения вопроса о том, были ли информация и доказательства, содержащиеся в материалах дела, достаточными для возбуждения уголовного разбирательства, Комитет считает, что расследование не соответствовало стандартам оперативности и эффективности.

7.8 В свете вышеизложенного Комитет приходит к выводу, что национальные власти не приложили должных усилий и не провели оперативного и эффективного расследования предполагаемых телесных наказаний в нарушение обязательств государства-участника по статье 19 Конвенции.

8. Действуя в соответствии со статьей 10 (пункт 5) Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающейся процедуры сообщений, Комитет по правам ребенка выражает мнение, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 19 Конвенции.

9. Государство-участник обязано предоставить автору эффективное возмещение ущерба. Государство-участник также обязано предпринять все необходимые шаги для предотвращения подобных нарушений в будущем, в частности путем обеспечения оперативного и эффективного расследования случаев телесных наказаний.

10. В соответствии со статьей 11 Факультативного протокола Комитет хотел бы получить от государства-участника как можно скорее, но не позднее, чем через 180 дней, информацию о мерах, принятых им для реализации Соображений Комитета. Государству-участнику также предлагается включать информацию о каких-либо подобных мерах в свои доклады, представляемые Комитету в соответствии со статьей 44 Конвенции. Государству-участнику предлагается также опубликовать настоящие Соображения и обеспечить их широкое распространение на официальных языках государства-участника.
